

Вступление

— Трудно в это поверить, да?

Это едва ли не первое, что мне сказала миссис Когут, после того как ее гостеприимная и дружелюбная семья радушно приняла меня в ее доме. Вот она — низенькая, смышленная женщина в свободных брюках, блузке и бусах. У нее седые короткостриженные волосы и розовая помада. Ради нее я облетела половину земного шара — с севера Англии в скромный дом в холмистой местности неподалеку от Сан-Франциско, штат Калифорния.

Мы пожимаем руки. В этот момент история становится чем-то реальным, осязаемым — это больше не архивы, стопки книг, ткани и дизайны платьев, на которые я обычно полагаюсь при написании работ или создании презентаций. Я знакомлюсь с женщиной, которой удалось выжить в месте, ставшем синонимом ужаса.

Миссис Когут садится за покрытый кружевной скатертью стол и предлагает мне домашний яблочный штрудель. Наши беседы проходят в уютной атмосфере книг, букетов цветов, яркой керамической посуды, красивой вышивки и семейных фото на стенах. Первое интервью мы начинаем расслабленно, рассматривая

журналы по пошиву одежды 1940-х годов, которые я принесла ей показать, затем изучаем стильное красное платье военных годов из моей собственной коллекции.

— Качественная работа, — говорит она, пробегая пальцами по декоративным фрагментам платья. — Очень элегантно.

Удивительно, как стремление красиво одеваться может объединять людей разных поколений, жителей разных континентов. За нашей любовью к стилю и мастерству пошива одежды стоит нечто куда более серьезное: много лет назад миссис Когут обращалась с тканью и одеждой в совершенно другом контексте. Она — последняя, оставшаяся в живых, портниха модного ателье в концлагере Освенцим.

Модное ателье в Освенциме? Само словосочетание звучит ненормально. Я была поражена, когда впервые увидела упоминание так называемого «Верхнего ателье», изучая связи Третьего рейха и модной индустрии для написания книги о международной торговле текстилем в военные годы. Очевидно, что нацисты осознавали, как важна одежда, и понимали, как именно ее использовать для отражения персонального статуса. Об этом свидетельствует привлечение ставшей узнаваемой формы на массовых публичных собраниях. Униформа — классический пример использования одежды для поддержания групповой идентичности и гордости, вызываемой принадлежностью к группе. Нацистская экономика и расовая политика были направлены на получение выгоды от модной индустрии, а награбленные средства использовались для финансирования вооруженных сил. Магда Геббельс, жена коварного министра пропаганды Гитлера, славилась своей элегантностью и была совершенно не против ношения сделанной евреями одежды, несмотря на то что евреям пытались ограничить

доступ к мануфактуре. Эмми Геринг, жена рейхсмаршала Германа Геринга, щеголяла в краденых вещах, хотя утверждала, что не знает, откуда берется ее одежда. Ева Браун, любовница Гитлера, обожала моду настолько, что ее свадебное платье доставляли через горящий Берлин. (Кстати, за несколько дней до их с Гитлером самоубийства и капитуляции Германии.) На свадьбу Ева также надела туфли от *Ferragamo* [1].

И все же — модное ателье в Освенциме? Эта мастерская заключала в себе так называемые ценности Третьего рейха: качество привилегии и потворства своим желаниям в связке с мародерством, унижением и массовыми убийствами.

Ателье в Освенциме открыла Хедвига Хёсс — жена коменданта лагеря. И если само наличие модного ателье в лагере смерти не показалось вам достаточно гротескным, вы все поймете, когда узнаете, кто там работал: почти все швеи были еврейками. Их привезли туда нацисты, и, согласно «окончательному решению», в конце всех швей ждало уничтожение. К ним присоединились нееврейки — коммунистки из оккупированной Франции, которых тоже ждала смерть за сопротивление нацистам.

Эта группа стойких поработанных женщин моделировала, шивала и вышивала платья фрау Хёсс и других эссовских жен — они создавали прекрасную одежду для тех, кто их даже за людей не считал; для жен тех, кто уничтожал евреев и политических противников нацистского режима. Для портних в Освенциме шитье было иллюзорной надеждой на спасение от газовых камер и печей.

Портнихи, благодаря создаваемым ими верным дружеским связям, таким образом противились попыткам нацистов унижить их и лишить человечности. Под шум швейных машинок эти женщины составляли планы сопротивления и даже побега. В этой книге — их история. Перед вами не художественное изложение событий, все происшествия и диалоги полностью

основаны на показаниях, документах, материальных доказательствах и воспоминаниях, пересказанных членам семьи или мне лично, и подтверждены архивными документами.

Узнав о существовании ателье, я взялась за подробное исследование этого вопроса, вооруженная лишь базовой информацией и списком имен: Ирена, Рене, Браха, Катька, Гуня, Мими, Манси, Марта, Ольга, Алида, Марилу, Лулу, Баба, Боришка. Я уже почти отчаялась найти другую информацию, не говоря уже о полных биографиях портних, как вдруг мой роман для подростков, действие которого происходит в вымышленной версии этого ателье, привлек внимание нескольких семей в Европе, Израиле и Северной Америке. Начали приходить электронные письма:

«Моя тетя была портнихой в Освенциме».

«Моя мама была портнихой в Освенциме».

«Моя бабушка возглавляла ателье в Освенциме».

Внезапно у меня появилась связь с семьями настоящих портних из Освенцима. Знакомство с их историями одновременно шокировало и вдохновило меня.

Поразительно, но одна из портних оказалась все еще жива и более чем открыта к общению — это уникальный свидетель, некогда находившейся в месте, отразившем всю жестокость нацистского режима. Миссис Когут, которой на момент нашей встречи было 98 лет, принималась рассказывать, прежде чем я успевала задать первый вопрос. У нее невероятный диапазон воспоминаний: от приятных с конфетами и орехами, подаренных в еврейский праздник Суккот, до трагичных, когда эсэсовец лопатой ломает шею ее однокласснице в Освенциме — за то, что она заговорила во время работы.

Миссис Когут показала мне фотографии себя в молодости. До войны она — подросток в опрятном вязаном свитере с цветком магнолии в руках. На послевоенном фото она в шикарном плаще в знаменитом

стиле *New Look* Кристиана Диора. По фотографиям ни за что не догадаешься, какие ужасы перетерпела эта женщина в годы войны.

Нет ни одной фотографии из тысячи страшных дней, проведенных в Освенциме. Миссис Когут рассказывает, что каждый день она могла бы умереть тысячу раз. Она переходит от одного воспоминания к другому, перебирая пальцами кайму штанов, делая острые и прямые складки — выражение эмоций, обычно тщательно скрывааемых. Английский — ее пятый язык, она выучила его за долгие годы, проведенные в США. Она с легкостью переходит с одного языка на другой, я изо всех сил стараюсь не отставать. У меня наготове ручка, тетрадь и длинный список вопросов. Миссис Когут тыкает в меня пальцем, пока я вожусь с записью видео на телефоне.

— А ты слушай! — приказывает она.

Я слушаю.

Одна из немногих

«Два года спустя я вошла в административное здание Освенцима, где раньше работала швеей по пошиву одежды для эсэсовских семей. Я работала по 10–12 часов в день. Я — одна из немногих, переживших ад Освенцима».

Ольга Ковач [1]

Обыкновенный день.

В свете двух окон несколько женщин с белыми платками на головах сидели, склонившись над длинными деревянными столами, обложенными тканью, и шили, стежок за стежком. Они находились в подвале. Небо за окнами не символизировало свободу. Для женщин это было убежище.

Их окружали все атрибуты процветающего модного ателье. На столах — скрученные сантиметры, ножницы, катушки ниток. Рядом — стопки рулонов всевозможных тканей. Повсюду разбросаны модные журналы и жесткая бумага для выкройки. Рядом с основным рабочим местом находилась закрытая примерочная для клиентов, — все под эгидой умной, талантливой Марты,

которая до недавнего времени сама содержала успешный салон в Братиславе. Помогала Марте Боришка.

Швеи работали отнюдь не в тишине. На множестве языков — словацком, немецком, венгерском, французском, польском — они говорили о работе, родных домах, семьях... иногда даже шутили. В конце концов, почти все они были молоды — девушки чуть младше или старше двадцати. Самой младшей было четырнадцать. Все звали ее Курочкой, потому что она всегда прыгала по салону, поднося кому-то булавки или заметая обрезанные нити.

Подруги работали вместе. Были Ирена, Браха и Рене, все из Братиславы, и сестра Брахи Катька, она шила утепленные шерстяные пальто для клиентов, даже когда у нее самой от холода едва двигались пальцы. Баба и Лулу — еще две швеи, близкие подруги, одна серьезная, другая любила пошутить. Гуня, женщина 30 с чем-то лет, была для всех и подругой, и неким подобием матери, и вообще сильной женщиной. Ольга, почти ровесница Гуни, казалась девушкам помладше старухой.

Все они были еврейками.

Вместе с ними работали две французские коммунистки: мастерица по изготовлению корсетов Алида и участница сопротивления Марилу. Их арестовали и депортировали за сопротивление нацистской оккупации в их родной стране.

Всего работало 25 женщин. Когда одну из них снимали с работы и больше она не появлялась, Марта быстро находила ей замену. Она хотела, чтобы как можно больше женщин-заключенных обрели надежду на спасение. В этой комнате их звали по именам. За ее пределами у них имен не было, только номера.

Работы портнихам всегда хватало. Огромная черная книга заказов была настолько заполнена, что очередь расписывалась на полгода вперед, и высокопоставленные лица в Берлине не были исключением.

В приоритете стояли местные клиенты, в частности женщина, учредившая салон, — Хедвига Хёсс. Жена коменданта Освенцима.

Однажды из подвального ателье раздался крик ужаса и ощутился запах паленой ткани. Катастрофа. Одна из портних разглаживала платье, но утюг оказался слишком горячим и прожег ткань. След был прямо спереди, спрятать его было невозможно. Клиентка должна была прийти на примерку на следующий день. Провинившаяся портниха сходила с ума от страха, плакала:

— Что же нам делать, что же нам делать?

Другие прекратили работу, проникшись ее страхом, ведь дело было не просто в испорченном платье. Клиентами модного салона были жены высокопоставленных лиц в ээсовском гарнизоне Освенцима. Жены мужчин, известных жестокими избиениями, пытками и массовыми убийствами. Мужчин, которым была подвластна жизнь каждой женщины в этой комнате.

Марта, главная, спокойно осмотрела повреждения.

— Знаешь, что мы сделаем? Уберем отсюда этот слой и вставим новую ткань. Только быстро...

Все принялись за дело.

На следующий день жена ээсовца пришла на примерку в салон. Она надела платье и с удивлением осмотрела себя в зеркале.

— Что-то я не помню, чтобы дизайн был таким.

— Конечно, так и было, — ответила Марта весьма убедительно. — Ну, разве не красота? Это новый стиль... [2]

Катастрофы удалось избежать. На этот раз.

Портнихи с облегчением вернулись к работе, стежок за стежком, в надежде, что проживут еще один день в Освенциме.

Лица, которые создали ателье в Освенциме, несли также ответственность за тяжелые перемены в жизни портних. Двадцатью годами ранее, когда портнихи

были еще детьми, невозможно было себе представить, что скоро наступит будущее, в котором будет бушевать индустриализированный геноцид, а в его эпицентре создаваться одежда от кутюр.

В детстве наш маленький мир состоит из деталей и ощущений. Например, как шерстяная ткань щекочет кожу, как замерзшие пальцы пытаются застегнуть непослушную пуговицу, как интересно из дыры в штанине на коленке вытягивается нить. Сначала наш мир ограничен стенами родительского дома, затем он расширяется до соседских улиц, полей, лесов, городских пейзажей. Предсказать, что случится в будущем, естественно, невозможно. Со временем от прошедших лет остаются лишь обрывки воспоминаний.

Ирена Рейхенберг родилась 23 апреля 1922 года в Братиславе, красивом чехословацком городе на побережье Дуная, всего в часе езды от Вены. За три года до ее рождения провели перепись, показавшую, что население города в основном состоит из немцев, словаков и венгров. С 1918 года существовало новое Чехословацкое государство, но еврейское сообщество, составляющее почти 15 тысяч человек, было сосредоточено в одном квартале города, в нескольких минутах ходьбы от северного берега Дуная.

Центром еврейского квартала была Юденгассе. Иначе — «Еврейская улица». До 1840 года евреи были сегрегированы от остального города на одну покатуую улицу в Братиславе, которая была частью местного замка. Ворота на обоих концах по ночам запирались и охранялись муниципальными надзирателями, что создавало в гетто дорогу и наглядно показывало — евреи отделены от остальных жителей Братиславы.

В последующие десятилетия антисемитские законы ослабли, что позволило наиболее состоятельным еврейским семьям переехать с этой улицы в центр

города. Некогда гордые барочные здания Еврейской улицы разделили на тесно набитые многоквартирные дома для больших семей. Несмотря на то что район считался довольно дешевым, мощные улицы всегда были чистыми, а в магазинах всегда хватало покупателей. Там жило дружное и тесное сообщество, где все друг друга знали. Все знали, кто и чем занимается. Местные жители чувствовали себя по-настоящему дома.

«Это был самый счастливый период моей жизни. Я там родилась, я там выросла, я там была с семьей», — Ирена Рейхенберг [3].

Детям на Еврейской улице жилось хорошо, они бегали друг к другу в гости, играя, не давали людям прохода на дорогах и тротуарах. Ирена жила в угловом доме под номером 18, на втором этаже. В семье Рейхенбергов было восемь детей. Как всегда происходит в больших семьях, у братьев и сестер формировались особые отношения, в частности некая отдаленность между самым старшим и самым младшим. Один из братьев Ирены, Армин, работал в магазине сладостей. Со временем он переехал в Палестину, тогда находившуюся под британским мандатом, и травма Холокоста не коснулась его напрямую. Ее другой брат, Лаци Рейхенберг, работал в еврейской оптовой компании по продаже ткани. Он женился на молодой словачке по имени Турулка Фукс.

Никто в семье Ирены не думал о войне. Надеялись, что ужасы прекратились с перемирием 1918 года и образованием нового государства, Чехословакии, где евреи считались гражданами. Сама Ирена была слишком юной, чтобы оценить мир за пределами еврейского квартала. Ей, как и большинству девочек в то время, предстояло обучиться выполнять работу по дому и запланировать брак по примеру старших сестер. За Катариной, или Кете, как все ее звали, ухаживал красивый молодой человек по имени Лео Кон;

Иоланда — Йолли — вышла замуж за электрика Белу Гроттера в 1937 году. Следующей замуж вышла Фрида и стала Фридой Федервайс, и с родителями остались только Ирена, Эдит и Грете [4].

Содержание огромной семьи лежало на плечах отца Ирены, Шмуэля Рейхенберга. Шмуэль был сапожником, одним из многочисленных мастеров на Еврейской улице. О мастерстве и бедности сапожников ходили легенды еще с древних времен. Была какая-то магия в работе Шмуэля: как он вырезал куски кожи и придавал им нужную форму с помощью деревянной колодки, зашивал швы нитями, смазанными воском, заботливо забивал каждый гвоздик, склонялся над работой с раннего утра до позднего вечера, и все это без помощи техники. Денег было мало, продажи не всегда удавались. Для многих жителей Еврейской улицы новые ботинки (или даже починка старых) были непозволительной роскошью. В тяжкие межвоенные годы многие бедные люди либо стали босьяками, либо с помощью ткани привязывали к стопам поломанную обувь.

Если отец Ирены был главным добытчиком, то ее мать, Цвия (Цецилия), держала на себе все домашние дела. Ее рабочий день выходил длиннее, чем у мужа. Работа по дому была изнурительной, безо всякой техники и прислуги, помогали только дочери. Цвия ждала ребенка каждые два года, и с каждым родами в семье появлялся еще один голодный рот, не говоря уже о дополнительной стирке и уборке. Несмотря на то, что денег в семье было мало, а людей много, Цвия изо всех сил старалась сделать так, чтобы каждый ребенок чувствовал себя особенным. Однажды на день рождения маленькая Ирена получила подарок: целое вареное яйцо, которым можно было ни с кем не делиться. Она была в восторге от подарка, об этом чуде узнали все ее друзья на Еврейской улице.

Одной из подруг была девочка из ортодоксальной еврейской семьи — Рене Унгар. Отец Рене был

раввином, мать — домохозяйкой. Рене была спокойной и умной девушкой, на год старше Ирены и, в отличие от подруги, вовсе не была стеснительной [5]. Когда ей было семь лет, она познакомилась с храброй девочкой, которая стала ей подругой на всю жизнь. Это была Браха Беркович.

«Нам там было хорошо», — Браха Беркович.

Браха родилась и провела детство за городом, в деревне Чепе в Карпатской Рутении. Эта территория находилась вдалеке от главного индустриального центра Чехословакии, и местные жители в основном занимались земледелием. Провинциальные города и деревни отличались собственными диалектами и традициями, а также уникальными ткацкими узорами.

Детство Брахи прошло в Татрах, на фоне будто бы бесконечных гор, плавно перетекающих в поля клевера, ржи, ячменя и зеленых хвостиков сахарной свеклы. На полях работали группы девушек в рубашках с пышными рукавами, широких многослойных юбках, с яркими платками на головах. Гусиные пастушки ухаживали за птицами, рабочие вспахивали землю, собирали колосья и урожай. Летом носили светлую хлопковую одежду с узорами — шахматная клетка, полоски, цветочки. Зимой носили вещи из плотной домотканой ткани и шерсти. Темная одежда выделялась на снегу. Головы оборачивали теплыми шальями с бахромой, завязывая либо под подбородком, либо сзади. Из-под теплой верхней одежды проглядывали яркие цветочные принты.

Последующая жизнь Брахи была тесно связана с одеждой, как, собственно, и ее рождение. Ее мать Каролина была вынуждена заниматься стиркой даже на поздних сроках беременности. В Карпатах женщины вставали до восхода солнца, брали связки одежды и тут же отправлялись к реке, где вставали босиком в холодную воду и принимались за стирку, а дети тем